

ЛІТЕРАТУРНА ВІТАЛЬНЯ

ВАДА КИИТИРО

НА УКРАИНУ С ЕРОШЕНКО

Вместо предисловия

Продолжая серию публикаций документов и текстов писателя в рамках работы международной научно-исследовательской группы «Василий Ерошенко и его время», действующей с 2003 г., мы предлагаем впервые на русском языке в переводе с японского очерк «На Украину с Ерошенко». О его авторе – Вада Киитиро (1896–1946) – подробные биографические сведения отсутствуют. Из малочисленных японских источников удалось узнать, что он выходец из рабочей семьи, был активным деятелем левого анархического движения в Японии. В 1922 г. приехал в Москву, где прошел обучение на курсах ускоренной подготовки в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ) и затем преподавал японский язык в Московском институте востоковедения.

Свой очерк о поездке с Ерошенко на Украину в сокращенном виде, 1–5 главы были опущены, Вада Киитиро опубликовал в 1926 г. в июльском (седьмом) номере журнала «Кайдзо», озаглавив его «Поездка в Малороссию». Хирабаяси Тайко в своих воспоминаниях о писательнице Миямото Юрико, изданных в 1972 г., говорит, что Вада Киитиро опубликовал свой очерк о поездке на Украину в этом номере журнала «Кайдзо»: «При содействии Камитико Итико очерк Вада Киитиро «Записки о скитаниях в России» (название Хирабаяси дает неверное. – С.А.) был помещен в журнале «Кайдзо», но поскольку в журнале были и другие статьи [нежелательного содержания], продажа этого номера была запрещена, и очерк Вада был утрачен». В журнале «Кайдзо» статья Вада называлась «Путевые заметки о поездке в Малороссию», и очерк был сокращен (без глав 1–5).

Отдельной книгой «Записки о скитаниях в России» вышли в 1928 г. в издательстве «Нансосёин». И, наконец, в 1930 г. снова была издана отдельная книга воспоминаний Вада Киитиро, заголовки статей в ней несколько отличаются от издания 1928 г., «Молодые Советы, любовь и скитания»: «Вакаки собиэто то кои то хо:ро:», 1930, № 3.

Предлагаемый перевод очерка сделан по публикации в сборнике «Молодые Советы, любовь и скитания».

***

Перевод с японского языка, краткая справка об истории публикаций японского текста, биографические данные о Вада Киитиро, Тагучи Ундзо, Такао Хэйбэй, Катаяма Сэн подготовлены переводчиком Сергеем Аникеевым, остальные комментарии к тексту – Юлии Патлань.

Обзорная статья об этом интереснейшем тексте будет дана в завершение публикации объемного очерка, поскольку ее подготовка требует обращения в несколько архивов и большой аналитической работы с документами. Это связано, в том числе, и с тем, что японскому рассказчику явно свойственно преувеличивать и откровенно приукрашивать действительность в некоторых случаях, о чем он и сам сообщает.

События, изложенные в тексте, относятся к концу июля – началу августа 1922 г., то есть к тому моменту, когда преподаватель Пекинского университета Василий Ерошенко на летних каникулах поехал в качестве делегата – секретаря Пекинской эсперанто-лиги на 14-й Всемирный (универсальный) конгресс эсперантистов в Хельсинки, Финляндия. Всемирные конгрессы эсперантистов до сих пор по традиции всегда проходят в августе, и на конгресс в Хельсинки с 8 по 16 августа 1922 г. съехалось 850 участников со всего мира.

Одновременно в Хельсинки состоялся Второй Всемирный конгресс незрячих эсперантистов, собравший 37 слепых и 16 зрячих участников из 12 стран: Англии, Бельгии, Венгрии, Германии, Дании, Испании, Индии, Китая, Латвии, Советской России, Финляндии и Чехословакии (по Йозефу Крейтцу). На конгрессах Василий Ерошенко представлял Китай.

Дома, в селе Обуховка Старооскольского уезда Курской губернии (области), Ерошенко не был с весны 1914 г., когда уехал на обучение в Японию. События, изложенные в тексте, таким образом, происходят до конгресса.

В июле 1922 г. еще не был создан СССР, а существовала так называемая «договорная федерация»: действовал договор между Украинской Социалистической Советской Республикой и Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой от 28 декабря 1920 г. (подобные договоры были заключены с Белоруссией, Арменией, Азербайджаном, Грузией)¹.

Таким образом, это первый транзитный приезд писателя в Советскую Россию, после которого Ерошенко вернулся в Китай, а окончательно уехал оттуда на родину в мае 1923 г., вернувшись, однако, в СССР после поездки по Европе лишь в конце 1924 г.

Во время описанных событий Ерошенко было неполных 32 года, Вада Киитиро – 26 лет.

*Юлия Патлань,
руководитель Международной научно-исследовательской группы
«Василий Ерошенко и его время»*

1

В конце июля 1922 г. мои друзья Тагути Ундзо² и Такао Хэйбээ³ уехали из Москвы. Оба направились в Японию, но Тагути поехал через Германию, а Такао через Сибирь. С моим лучшим другом Хэйбээ мы расстались навсегда. Нет ничего сложнее, чем пытаться предугадать судьбу человека. В августе следующего года в гостинице сибирского города Чита я узнал, что он был убит главой группы «Противодействие красным» Йонэмуре⁴.

После отъезда обоих на меня сразу напала тоска. Товарищ Катаяма⁵ находился на лечении на климатическом курорте на Кавказе, поэтому его не было в Москве. Я остался в Москве совершенно один. Даже в гости мне не к кому было сходить. Я чувствовал, что сама природа и все вокруг меня пропитаны одиночеством и тоской.

Мой знакомый Ооба Како⁶ сидел в Бутырской тюрьме. Но даже свидания с ним не разрешали. Иногда из тюрьмы от него приходили письма, но они не были адресованы прямо

¹ Благодарю за комментарий историка Геннадия Ефименко (Киев).

² Тагути Ундзо (1892–1933) – деятель японского социалистического движения, первый представитель Японии в Коминтерне, член Исполкома Коминтерна. Неоднократно встречался с Лениным.

³ Такао Хэйбээ (1895–1923) – японский общественный деятель. Сначала был в рядах анархистов, затем перешел на позиции социалистов. В 1921 г. был в Москве, встречался с Лениным, по возвращении в Японию вступил в ряды КПЯ, но в 1923 г. вышел из рядов партии.

⁴ Группа «Противодействие красным» (Сэкабо:сидан) – одна из японских националистических организаций фашистского толка, созданная Йонэмуре Каитиро в 1922 г.; организовывала террористические акты. В июне 1923 г. на штаб-квартиру этой организации напала группа анархистов, среди которых был Такао Хэйбээ. Во время нападения Такао был убит.

⁵ Катаяма Сэн (1858–1933) – активист социал-демократического и рабочего движения в Японии, а также известный деятель международного коммунистического движения. Один из организаторов Коммунистической партии Японии, похоронен в Москве на Красной площади.

⁶ Ооба Како (1872–1924) – журналист, писатель в жанре японской короткой прозы «дзуйхицу». В 1896 г. был во Владивостоке и служил переводчиком в японском торговом доме. В 1902 г. во Владивостоке изучил эсперанто и активно пропагандировал его. Бывал в Москве и описал в своих статьях революционные события в Петрограде в 1917 г. В 20-е гг. в Советской России был дважды арестован по подозрению в шпионской деятельности, 7 месяцев провел в Бутырской тюрьме. Предположительно, был расстрелян в 1924 г. по решению ГПУ (прим. – С.А.) По другим источникам известно, что Ооба Како принадлежал к группе прогрессивных японских журналистов 1910-х гг. В 1906 г. провел 19 дней в тюрьме во Владивостоке. Он известен своими корреспонденциями из России. Японские авторы полагают, что журналист «пропал без вести в Сибири в 1918 г., откуда посылал сообщения из действующей армии». Последние два года (то есть 1916–1917) был заведующим редакционным отделом «Ёмиури симбун» в Токио (прим. – Ю.П.).

мне. Он человек вдумчивый и понимал, что его письма могут доставить мне неприятности, поэтому он передавал их через одного студента, которому я преподавал. Из этих писем я знал хоть немного о его положении.

Надо сказать, что продуктов не хватало, поэтому он просил передавать ему хотя бы хлеба. Но я сам в это время жил бедно и, к сожалению, смог передать ему передачи всего лишь несколько раз. Моя месячная зарплата в Московском институте востоковедения, где я преподавал японский язык, в пересчете на японские деньги, составляла не более 10 иен. Разумеется, кроме этого, я получал еще 40 фунтов ржаного хлеба, десяток соленых селедок, бутылку растительного масла, фунт сахара, полфунта чая. Собственно говоря, это несколько не отличалось от того, что получал русский профессор высшей категории. Но оказывать необходимую помощь попавшему в беду Ооба я не мог, как бы этого мне ни хотелось. На самом деле, студент со стипендией не получал и половины того продовольственного содержания, что было у меня, поэтому он не мог позволить себе поесть вдоволь даже ржаного хлеба. Да и ржаной хлеб все мы не ели, а подолгу жевали и сосали. А еще у меня под кроватью был запрятан большой мешок картошки, и я варил себе картошку в мундире в маленькой кастрюльке на целый день, ел ее, макая в соль, и кое-как спасался от голода.

Я оказался в Москве совершенно один. Я проводил время, валяясь на кровати в углу большой комнаты общежития, опустевшего оттого, что студенты разъехались по домам на летние каникулы. Каждый день, как кошка, я с жадностью съедал целую соленую селедку, заедая ржаным хлебом, и запивал это водой. Такая жизнь с постоянной нехваткой продуктов продолжалась уже больше семи месяцев. Поэтому недоедание приводило к нервному истощению, и в таком состоянии ничем не хотелось заниматься. Зрение так ослабло, что при чтении книги буквы расплывались, в глазах рябило, и распознать предложения было тяжело. Тогда я зашвыривал куда-нибудь книгу и, так как поговорить было не с кем, просто валялся от безделья на кровати и таким образом проводил все эти жаркие дни. И тут случилось то, чего я никак не ожидал: однажды в дверь моей комнаты кто-то громко и настойчиво постучал...

– Вада-сан! Сколько лет, сколько зим!

Передо мной стоял русский слепой, прекрасно говорящий по-японски. Я был настолько удивлен и поражен, что не находил слов от растерянности.

– А ты кто? – спросил я в свою очередь.

Он заулыбался и в ответ я услышал хорошо знакомый мне голос.

– Да Ерошенко я! Ты забыл меня?

Я пристально посмотрел ему в лицо. Действительно, передо мной стоял Ерошенко. Я невольно бросился к нему и крепко сжал его руку.

– Вот это да! А ты когда приехал? Как же ты смог меня найти?

Я был взволнован. Желая быть к нему внимательнее, я взял его за руку и усадил на кровать.

2

Ерошенко стал мне жалобно понемногу рассказывать том, как он, после высылки из Японии, скитался голодным в Китае, в Шанхае и Харбине. Разглядывая его лицо, я заметил, что на нем не осталось и следа той радости, которое оно излучало в Японии; лицо его было каким-то печальным. «Нелегко тебе пришлось», – с сочувствием подумал я.

– А для чего ты вернулся в Россию? – спросил я его.

– Я вернулся, потому что собираюсь поехать домой на Украину. С тех пор, как я покинул родину и бродяжничаю по чужим странам, прошло восемь лет. До революции я получал весточки из дома, а после революции я не получил ни одного письма. Меня это очень тревожит, потому я и приехал сюда, – ответил Ерошенко, печально улыбаясь.

– Неужели? Представляю себе, как беспокоятся твои родители. Вот они будут рады, когда вскоре увидят тебя целым и невредимым!

– Да, мне тоже очень хочется поскорее с ними встретиться. Думаю, что после революции жить им стало труднее, поэтому я скопил для них немного денег.

Посвятив меня в свои денежные дела, он подробно рассказал мне о своей недавней жизни в Пекине. О том, как после высылки из Японии он испытывал лишения, скитаясь в Китае; с какой заботой и пониманием относились к нему новые преподаватели-коллеги в

Пекинском университете; что весной этого года он стал преподавателем языка эсперанто и сейчас получает в месяц 200 юаней, поэтому не надо задумываться о средствах на жизнь. Даже наоборот, поскольку расходы на жизнь в Китае невелики, он смог ежемесячно откладывать деньги. Но у правительства в Пекине не всегда хватало денег, поэтому случалось так, что зарплату не выплачивали по несколько месяцев, и порой очень трудно было сводить концы с концами. Все время, пока он рассказывал мне о себе, грустная улыбка не покидала его лица. Но рассказ его слишком затянулся, в конце концов, мне стало неинтересно, и я просто безучастно поддакивал ему. Тут мне показалось, что он уловил мое настроение и, сменив тему разговора, начал задавать мне вопросы.

– Вада-сан, а русские женщины ведь красивые? Ты работаешь здесь преподавателем и тебе, должно быть, не скучно? Подружку завел себе? – сказал мне Ерошенко, ухмыльнувшись, потому как знал, что раньше я был не прочь вести разговоры о женщинах сколько угодно, хоть всю ночь напролет.

– Ну что ты! Видишь ли, всякие разговоры об любовных приключениях уже не приходят в голову. Сейчас каждый день голова занята у всех только тем, как и что поесть. И потому в нашей жизни мы не можем уже обходиться без ссор и ругани, – сказал я напрямик.

– Не драматизируй! – возразил он на это.

– Да нет же! Я не обладаю такими качествами, которые бы привлекали женщин. Независимо от того, в какой стране я нахожусь. К тому же, все живут, думая о еде. Все разговоры о том, в кого бы влюбиться или кто бы влюбился в тебя, сейчас неуместны.

– Ты хочешь сказать, что еда все-таки важнее, чем любовь?

– Именно так! Я весь разбит, болен. Недоедание – страшная вещь.

Он, разумеется, слепой и не может этого видеть, но в подтверждение своих слов я протянул ему свои исхудалые руки, чтобы он мог потрогать их⁷.

3

Как мне часто доводилось видеть это в Японии, Ерошенко несколько раз отбрасывал свои красивые русые волосы назад. При этом он моргал своими невидящими глазами, словно пытался что-то рассмотреть. Я сразу почувствовал, что его что-то беспокоит. Пытаясь угадать, что он собирается мне сейчас сказать, я наблюдал за его лицом.

– Ты знаешь, на Украине такая красивая природа! Она бы тебе непременно понравилась. Великий писатель Гоголь – выходец с Украины. Я скоро собираюсь туда. Может, поедем вместе ко мне домой? Как ты на это смотришь? – любезно предложил он мне.

И это он говорит в тот момент, когда я живу в нищете, мне скучно, и я не знаю, чем себя занять! Разумеется, мне было очень приятно это слышать. Но мало того, что для меня это было совершенной неожиданностью, но даже когда он был в Японии, мы не были с ним близкими друзьями, да и его характер мне не был достаточно знаком, – все это не могло не привести меня в смущение.

– Ну, я не знаю, я был бы рад поехать, но отсюда до Украины так далеко.

– Далекое-то далеко, но не настолько.

Этому человеку, для которого весь мир – родной дом, который скитался по многим странам, ему хоть тысяча километров, хоть сто тысяч километров, – все кажется рядом и недалеко. И он запросто добавил:

– Поехали!

– Ну, поехать-то можно, но хочу тебя предупредить, что у меня нет денег.

– Не беспокойся. У меня есть. Тогда я сегодня вечером куплю два билета. Главное, чтобы билеты были. Значит, завтра вечером в восемь мы отправляемся.

Наш разговор был недолгим: договорились, где и во сколько встретимся. В тот вечер, опираясь на свой посох, он неверной походкой ушел от меня. После этого я снова беспечно завалился на кровать, достал махорки, скрутил себе самокрутку из газетной бумаги, и, пуская кольца дыма, стал размышлять.

⁷ Все дальнейшие события показывают, что Ерошенко пожалел Вада и блестяще решил задачу по взаимопомощи: ему самому нужен был зрячий сопровождающий в далекой поездке, а истощенного японца нужно было спасти от голода, что Василий Яковлевич и делает за свой счет. Видимо, полученные в Токийской школе слепых массажистов знания позволили ему тактично определить степень истощения собеседника.

В лучшем случае, поездка на Украину займет десять-пятнадцать дней. Значит, мне надо предупредить мою подругу об отъезде. Если я уеду, не сказав ей, она станет беспокоиться и, скорее всего, пойдет узнавать обо мне к русскому товарищу ***, преподавателю японского языка. А он ведь ничего не знает. Никто не будет знать, куда я пропал. И, естественно, в ее маленькой груди будут возникать разные сомнения. Мне стало как-то не по себе, и я вышел во двор на лужайку, поросшую травой.

Посредине двора стояла выброшенная кровать, которую использовали как скамейку. Я лег на спину и стал рассматривать все вокруг. Небо надо мной светилось серебристо-белым цветом. Тень от роши мрачно подкрадывалась к лужайке. Я прислушался – издали доносился стрекот насекомых, похожий на заунывную музыку. С каждым дуновением ветерка воздух наполнялся каким-то легким ароматом молодых трав. Я был просто очарован, я был опьянен этой атмосферой. Вдруг я увидел неясный белый силуэт, который выскользнул из тени деревьев на лужайку. Я подумал, что это какая-нибудь студентка, которая не уехала домой на летние каникулы, вышла на свежий воздух, измученная комнатной духотой. Приглядевшись, я увидел, что она идет в мою сторону и вот-вот пройдет мимо меня. Она была одета в шелковое платье изумительно белого цвета, у нее была стройная фигура, а на ногах у нее были модные туфли на высоком каблуке. При лунном свете была видна половина ее лица.

– Лиза! Что ты здесь делаешь в такой час?

Мои слова прозвучали для нее неожиданно, и от удивления она подошла ко мне ближе и недоверчиво посмотрела на меня.

– Ой, как ты меня напугал!

– Что ты делаешь здесь в такой поздний час?

– Сегодня вечером мне почему-то было скучно. Я и вышла во двор прохладиться. А тут еще луна такая красивая, вот я и пошла в тень деревьев, посидеть в одиночестве. Сегодня такая чудесная ночь, правда? Послушай, как стрекочут насекомые! Слышишь, как они красиво поют? – наивно сказала она и показала пальцем на заросли.

– В такой поздний час в такие безлюдные места не следует ходить. У меня к тебе есть разговор. Приду к тебе завтра и поговорим. А сейчас быстро иди к себе. Спокойной ночи! – сказал я, успокаивая ее, и по лужайке проводил ее домой.

На следующий день, рано утром, я сходил к ней. Рассказал, что еду на Украину и пошел домой собираться в дорогу.

4

Вечером, часов в 11, мы сидели в спальном вагоне второго класса поезда, следующего на Украину со станции ***⁸. В вагоне было темно – одинокая тонкая свеча горела тускло и печально. Ерошенко занял нижнее место, я же разместился на верхней полке. Напротив нас была молодая еврейская пара. Они оживленно говорили на своем языке, похожем на немецкий. Временами из сумрака доносились звуки их поцелуев. Ерошенко – слепой, ему не видно, поэтому он был спокоен и безразличен. Но мне сверху было хорошо видно, что происходит внизу напротив меня. Эти двое не стеснялись посторонних: она сидела у него на коленях, обняв своей белой рукой его за шею, и они непрестанно целовались. В Японии такое поведение, скорее всего, считалось бы неприличным, но, приехав в Россию, я уже довольно нагляделся на подобные сцены и привык.

Но тогда меня это как-то задело. Я спустил свои ноги, обутые в грязные ботинки, прямо у них перед лицом, слез с полки и подсел к Ерошенко. Когда я спускался, грязь с башмаков упала им на голову, но они никак не отреагировали на это. Я же, с невинным видом, заговорил с Ерошенко.

– Когда мы будем проезжать Ясную Поляну?

– Ну, думаю, это будет часа три ночи. От Москвы это четыре часа езды.

– Я не толстолиц, поэтому мне, собственно говоря, безразлично, увижу я или нет деревню этого старика. Но, говорят, в давние времена такой товарищ, как Токутоми Рока⁹, истратил массу денег, чтобы приехать к нему поклониться.

⁸ Вечерний поезд на юг отправлялся, насколько можно судить по тексту, около 22 часов с Курского вокзала Москвы.

⁹ Токутоми Рока (псевдоним; настоящее имя – Кэндзиро) (25.10.1868, префектура Кумамото, – 18.9.1927, близ Токио), японский писатель. Первое крупное произведение – роман «Лучше не жить» (1899, рус. пер. 1905) о судьбе женщины из аристократической семьи. Увлекался идеями Л.Н. Толстого, в 1906 г. посетил Ясную Поляну.

Когда я сказал это, Ерошенко с упреком произнес:

– А чем тебе не нравятся Толстой? Ты читал «Войну и мир» или «Анну Каренину»? Критиковать Толстого будешь тогда, когда прочитаешь эти его шедевры.

– Откровенно признаюсь тебе, его произведения я знаю настолько, что с трудом могу вспомнить их названия. Но когда я был в Японии, я читал рассуждения о Толстом англичанина Бернарда Шоу. Этот ироничный человек говорил о Толстом, что тот призывал всех вести аскетический образ жизни, а сам сделал себе 12 или 13 детей. А проповедуя вегетарианство, он ел изысканные мясные блюда. И еще один момент: ведя крестьянский образ жизни, заказывал себе во Франции рубашки из шелка, которые сам и носил. Разве это не так? После этого я не мог уважать такого лицемера. Было много его книг в переводе, но я их не читал. И вот еще что. Знаешь, на Тверской в Москве есть вегетарианская столовая. Молодого хозяина этой столовой собирались призвать в Красную Армию. Тогда этот парень заявил, что даже ради пролетарского государства он не станет солдатом, долг которого убивать людей, и отказался идти служить. Тогда по решению военно-революционного суда его отправили в тюрьму. Но российские толстовцы подняли шум по всей стране и организовали протест с целью его освобождения, и через восемь месяцев тюремного заключения его выпустили на волю.

Я однажды был в этой столовой, попросил официантку принести водки. Так эта официантка с искаженным лицом заявила мне:

– Хотите пить водку – идите в другое заведение!

И в конце концов меня выпроводили из столовой. Во всяком случае, я терпеть не могу идей гуманизма.

Выслушав это, Ерошенко с озабоченным видом натянуто улыбнулся. Затем сказал:

– Ты оцениваешь людей в зависимости от своего отношения: нравятся они тебе или нет, какое они производят на тебя впечатление. Так ведь? Когда ты нагло потребовал в столовой выпивки, вполне естественно, с тобой они обошлись тоже бесцеремонно.

– Возможно, я вел себя нагло, но я по натуре не переношу таких людей! – сказала я громко и пренебрежительно.

Сидевшая рядом еврейская пара, наморщив свои клювообразные носы, с удивлением уставилась на меня.

5

Через некоторое время еврей обратился ко мне:

– Послушай, а ты сам откуда будешь?

– Ты это мне? Я японец, – ответил я заносчиво.

Тут он, ехидно улыбаясь, спросил:

– А у вас в Японии есть на чем заработать?

Я не склонен считать евреев какими-то особенными. Но стоит с ними заговорить, разговор сразу заходит о том, как и где заработать. Они напоминают мне мелких и ушлых японских торговцев, которые без всяких обиняков заводят разговоры о том, как заработать деньги. Среди евреев, конечно, есть такие выдающиеся люди как Маркс или Троцкий, но этот сразу с первой встречи навязывает мне разговор о деньгах. С чего бы это?

Мне это было неприятно, и я ему ответил так:

– Я вам не торгаш и такие глупости меня не интересуют.

После этого, желая блеснуть красноречием, я представился:

– В настоящее время я работаю преподавателем японского языка в военной академии¹⁰. Я постоянно встречаюсь с такими людьми как Ленин и Троцкий и на бестолковые разговоры, которые интересуют тебя, времени не трачу. Мы обсуждаем, например, вопросы новой экономической политики, говорим о внешней политике Британии, а с министром культуры Луначарским мы ведем беседы об искусстве и революции. А разговоры о деньгах вызывают у меня отвращение.

Когда я, таким образом, нагло соврал ему и затуманил ему голову, я, кивнув в сторону Ерошенко, сказал:

---

¹⁰ На самом деле – в Московском институте востоковедения.

– А это – мой товарищ, Василий Ерошенко. Он украинец. Сейчас едет к себе на родину. Он великолепно владеет японским языком. В Японии вышли три сборника его стихов¹¹. Он настолько известен, что его произведения расходятся сотенными тиражами. А сейчас он профессор¹² Пекинского университета в Китае.

– Неужели? О, прошу прощения за мою бестактность.

Еврей принял сказанное мной за чистую монету. Он вытаращил на нас глаза и нервно задергал кончиком горбатого носа. Было заметно, что его отношение к нам сразу изменилось: он почувствовал к нам уважение. Сидящий рядом Ерошенко покраснел от стыда и сказал мне по-японски, дернув меня резко за одежду:

– Вада-сан, не следует говорить такие глупости!

Но у меня уже был опыт. После приезда в Россию тяжелая жизнь меня многому научила. Здесь нужно придерживаться определённых правил игры, когда знакомишься с кем-нибудь. Когда я встречаю толкового человека, я открыто говорю ему, кто я и откуда родом. Но когда вижу перед собой какого-нибудь проходимца, типа разбогатевшего мещанина, тогда стоит лишь ему сказать, что я из рабочей японской среды, – он будет смотреть на тебя с презрением. Меня это всегда настолько раздражало, что я привык таким людям сочинять про себя всякие небылицы, откровенно врать. Однажды я сказал, что я был ребенок-вундеркинд и, когда мне было пятнадцать лет, поставил в тупик известного профессора, и очень многие удивлялись мне. Рассказывая всякие небылицы, мне удавалось дурачить людей и приводить их в изумление. Я считаю, что, когда находишься в чужой стране, об этом следует помнить всегда.

Этого учителя еврея и его молодую жену поразило услышанное, и тон их разговора стал совершенно другим.

– Я слышала, что природа в Японии просто великолепна. Это действительно так? – спросила она вежливо тонким и скромным голосом.

– Ну, с Россией нельзя и сравнивать. Природа там действительно прекрасна.

Я успокоился и стал не спеша и подробно рассказывать ей о красотах горы Фудзи, о поездках на горячие источники, пытаюсь сделать свой рассказ как можно увлекательнее для нее. Она очень внимательно слушала меня, стараясь не пропустить ни одного слова. В конце концов, она была совершенно очарована моей красочной болтовней и только повторяла:

– Ах, я хочу туда поехать. Хочу в Японию!

Я устал от своего красноречия, вынул часы и взглянул на время. Был уже второй час ночи. Ехавший все это время поезд остановился и никак не собирался двигаться дальше. Было даже непонятно, когда он тронется снова. На вокзале и на улице – тишина и спокойствие.

Вдруг мне вспомнилась моя новогодняя поездка. Я возвращался из Петрограда в Москву. Вот тогда мне впервые пришлось ожидать на станции отправления поезда очень долго. Я вынужден был до следующего утра сидеть в холодном зале ожидания. А на улице был мороз минус 40 градусов...

¹¹ В Японии были изданы три сборника произведений Ерошенко «Предрассветная песнь», «Последний вздох», под редакцией Удзюку Акита в 1921 г., «Ради человечества», под редакцией Сэйити Фукуока в 1924 г. Последний сборник был подготовлен до 1 сентября 1921 г., когда в пожаре во время землетрясения погиб весь тираж и затем заново восстановлен по единственному уцелевшему экземпляру. Таким образом, в июле 1922 г. существовало лишь два японских сборника произведений Ерошенко. В строгом смысле, поэтом Ерошенко не был и известно лишь несколько его стихотворений со строфической организацией, но тексты незрячего автора отличаются особой ритмической организацией.

¹² В то время «профессором» могли называть любого преподавателя высшей школы. На самом деле, Ерошенко окончил лишь школу для слепых детей при Московском обществе призрения, воспитания и обучения слепых, и она соответствовала начальной 4-классной земской школе. Программу 4-летней школы слепые проходили за восемь лет, а еще два года занимало обучение ремеслам – щеточному и корзиночному, и музыке. Это единственное официальное образование В.Я. Ерошенко (начальное), который затем два месяца учился в Норвуде (Великобритания) в Королевском колледже и академии музыки для незрячих, и около двух лет – в Токийской школе слепых, где получил аттестат об успешном прохождении курса массажа. Всю жизнь, особенно в советское время, В.Я. Ерошенко крайне мешало отсутствие документа о высшем образовании или о праве преподавать другим слепым. Мы видим, что и в этом эпизоде Ерошенко протестует против заведомой лжи.

А сейчас было видно, что состав совершенно не готовится к отправке. Я был вне себя от злости. Решил пойти к начальнику станции и узнать, в чем дело. Вот что он сказал:

– Со вчерашней ночи мы ищем локомотив. Еще немного подождите.

От изумления я стоял, раскрыв рот. Вот вам типично русское решение ситуации. Я был поражен. Я забрался на свою верхнюю полку и прилег. Совершенно незаметно уснул.

– Станция «Ясная Поляна»!

Когда поезд остановился, Ерошенко заботливо разбудил меня. Но мне Толстой был совершенно безразличен, буди меня или не буди. Я продолжал спать, отключившись от всего вокруг, и ничто не могло нарушить моего глубокого сна.

6

На следующий день после выезда из Москвы в три часа дня мы с Ерошенко вышли на маленькую старинную станцию Елец, над которой скучно светило яркое полуденное солнце. Вокруг станции виднелись бескрайние ржаные поля, и ржаные колосья под дуновением ветра ходили волнами. С левой стороны от нас вдали на холме ярко блестели золотые купола церкви. Мы шли по центральной улице, на которой стояли один за другим белоснежные дома.

Недалеко от центральной улицы текла, извиваясь, речка, сверкая серебром. Стадо коров стояло в реке, и до нас доносилось их спокойное мычание. А рядом со станцией в тени каменного склада вповалку спали бродяги с чумазыми лицами и грязными руками, напоминавшие стадо свиней. Если присмотреться, то можно было видеть, как мухи ползают прямо у них по губам.

На этой станции Елец нам пришлось ждать поезда на Украину целую неделю. Как раз в то время поезда отправлялись не чаще раза в неделю. Нам нужно было где-нибудь остановиться, поэтому мы побрели в поисках ночлега по прямой пыльной улице. Железнодорожные станции в России обычно расположены в нескольких километрах от города. Эта станция находилась километрах в пяти-шести от города, что не очень меня радовало. Я не вытерпел и решил предложить Ерошенко:

– Послушай, с таким тяжелым багажом я не смогу пройти и половины пути. Давай возьмем извозчика!

В это время Ерошенко шел по дороге, легко неся в одной руке огромную сумку, а в другой руке держал посох, которым он определял себе путь. Не оборачиваясь ко мне, он сказал:

– В чем дело, Вада-сан? Тут совсем недалеко, неужели ты с таким багажом не дойдешь? Извозчик – это роскошь.

Мои надежды растаяли в одно мгновение.

– Но послушай, это же почти 10 километров! – попытался я привлечь его внимание.

– Пустяки! – произнес он безучастно.

Тогда мне подумалось: «Он слепой, потому и ведет себя нагло». Собравшись с силами, я молча поплелся за ним. Сумка у меня была действительно тяжелая, и я не знал, сколько еще смогу ее пронести. По моему лицу уже струился пот. Мне было тяжело дышать. Я и без того был очень худ, а тут надо еще столько терпеть. Но идти-то надо дальше по этой прямой и пыльной дороге еще километров десять, и выбора у меня не было. Стоило только посмотреть на эту пыльную и бесконечную прямую дорогу, и ноги отказывались идти. Я совершенно выбился из сил, поэтому швырнул сумку на дорогу и молча присел на корточки у обочины.

– Вада-сан, ну так нельзя! В сумке есть бьющиеся вещи, – сердито сказал Ерошенко, сморщив лоб.

– Я уже все. Больше не могу идти... – ответил я, задыхаясь.

– Да у тебя совершенно нет чувства собственного достоинства, – сказал он спокойно. В его голосе не было заметно никакой усталости.

– Но я же не вьючная лошадь! Такие грузы не могу тащить на себе. Ты русский, поэтому можешь, как ломовая лошадь, тянуть такой груз. Меня и сравнивать с тобой нельзя. Давай поскорее возьмем извозчика, – взорвался тут я.

Было видно, что он злится на меня, но он сказал с улыбкой:

– Ты как малое дитя!..

Ему тоже ничего не оставалось, как поставить свою сумку, и мы с ним присели отдохнуть на молодой траве у обочины дороги. Он говорил мне о разных вещах, но я даже не

отвечал ему. Через некоторое время он быстро поднялся. Мне тоже пришлось встать, и я снова молча пошел вслед за ним. Мы прошли еще немного, и я опять попросился отдохнуть. Немного отдохнули, и снова он заставил меня идти, словно подгоняя кнутом. Так мы шли с передышками и, наконец, дошли до моста над рекой у холма.

Стада коров, которое мы недавно видели в реке, когда шли от станции, уже не было, и только мужик в красной рубашке одиноко сидел и ловил рыбу. Рядом с ним валялось в грязи несколько мелких рыбешек. Он зорко следил за поплавком своей удочки, но, услышав наши шаги, поднял голову и с удивлением посмотрел на неожиданных путешественников. Затем приветливо поздоровался с нами.

– Ходя (так зовут тут китайцев)¹³, ты откуда?

– Из Москвы.

Услышав мой ответ, он, изобразил на лице безразличие и снова устремил свой взор на реку.

Продолжение следует.

***

Сведения о переводчике

Аникеев Сергей Иванович, окончил восточный факультет Дальневосточного государственного университета по специальности «Японский язык и литература». Квалификация: востоковед-филолог, референт-переводчик японского языка. С 1977 г. ассистент кафедры японской филологии Дальневосточного государственного университета. С 1996 по 2015 гг. работал старшим преподавателем в филиале Дальневосточного федерального университета в г. Хакодате, преподавал грамматику русского языка, вел курс по истории русской литературы и специальный семинар «Особенности русской грамматики как иностранного языка». Подготовил и опубликовал «Курс русского языка для работников японской таможни», «Грамматический комментарий к курсу русского языка для работников японской таможни» и «Лексический минимум русского языка для работников японской таможни».

С 2005 г. участвует в работе международной научно-исследовательской группы «Василий Ерошенко и его время», переводит с японского на русский язык произведения писателя.

---

¹³ Ходя – устаревшее пренебрежительное название китайца в России, которое бытовало в первой трети XX в., странствующий мелочный торговец-китаец.